

Актуальность понятия «суверенитет» в современном мире

Понятие «суверенитет» все чаще и чаще подвергается нападкам в современном мире. Высокопоставленные европейские политики неоднократно заявляли, что государственный суверенитет – устаревшее понятие. Различные теоретики – от Ж. Маритена до Ж. Аттали и А. Негри – атаковали старейший юридический и философский термин в научной литературе. С одной стороны, понятие суверенитета «мешает» вмешательству в дела других государств, в случае если эти государства ведут неприемлемую, с точки зрения «международного сообщества», политику. С другой стороны, проводится мысль о несправедливости принадлежности природных ресурсов отдельным странам, а не всему человечеству. При этом подчеркивается несколько моментов: происхождение понятия «суверенитет» из средневековой политической мысли, феодальной по своей сути; возникновение этого понятия в результате отчуждения «власти» от народа в пользу суверена (как это было у Ж. Бодэна и у Т. Гоббса), что при нынешней демократии признается неприемлемым; «абстрактность» понятия суверенитета как «независимости», потому как в современном глобальном мире никакой независимости нет и быть не может. Даже сверхдержавы не могут абстрагироваться от мира и быть независимыми в своей политике. В таком случае, зачем нам понятие, которое ничего под собой не имеет?

Однако в философско-политической мысли есть традиция, которая остается актуальной и в которую никак не попадают ядовитые критические стрелы противников суверенитета. Скажем, Г. Гегель никогда не считал, что суверенитет возникает в результате отчуждения власти от народа в пользу суверена, он полагал, что суверенитет принадлежит государю и только ему одному без всяких отчуждений власти. Так же Гегель считал, что философско-политические понятия не настолько бессмысленны и слабы, чтобы существовать только в абстракциях философов. Понятие, которое не есть в действительности, по Гегелю, вообще не понятие. Поэтому суверенитет – это не просто «верховная и независимая власть», которая не может существовать так же, как не существует «идеальный газ» или «абсолютно идеальная окружность», а реальность каждого дня жизни любого, даже самого маленького и слабого, государства. Поскольку в государстве вообще издаются законы, то есть и кто-то, кто вводит их в действие, ставит последнюю подпись. Тот, кто это делает, тот, кто одной подписью превращает проект закона в закон, тот и есть носитель суверенитета.

Человек, государь, запускающий законы в действие, сам находится вне закона, подобно тому, как аксиомы логической и математической теории не доказываются внутри этой теории, согласно «теореме о неполноте» К. Геделя. Суверен экстерриториален по отношению к закону, именно поэтому у него есть право помилования, право восполнения законов своими указами, право отмены всех законов и введения чрезвычайного положения (на чем особо настаивал К. Шмидт), право подписания законов и тем самым введения их в силу. Естественно, что такой человек, экстерриториальный по отношению к законам, может быть в государстве только один. Народ вне закона быть не может. Попытки

быть вне закона, нарушать закон караются как преступления, тогда как суверену нарушения закона иногда вменяются даже в обязанность или, как минимум, закрепляются за ним как право. Тезис о равенстве всех перед законом демагогичен: смысл любого законодательного акта состоит в том, чтобы определить, кому можно делать то, что другому нельзя; скажем, закон о полиции дает права полицейским в особых случаях, но не дает таких же прав другим гражданам. Другое позволено врачам, третье – депутатам, и так далее. Суверен, государь, носитель верховной власти, как уже было сказано, имеет самые широкие полномочия: он вводит в силу или же отменяет законы и восполняет их пробелы. Несмотря на провозглашение в конституциях большинства стран мира «народного суверенитета», в реальности все равно суверенитетом обладают государи, то есть первые лица государств, как бы они ни назывались.

Именно поэтому, как правило, нелегитимное устранение государя, рушит всю государственную пирамиду, хотя, казалось бы, от одного человека не должно зависеть столь много в государстве. Мы знаем из истории, какие смутные времена и гражданские войны возникали в случае дворцовых переворотов, убийств наследников престола или прихода самозванцев. Однако мы стали ошибочно полагать, что такой результат логичен для средневековых теократических монархий, где фигура государя, действительно являлась краеугольным камнем и была священна. В современные демократические времена такого быть не должно. Но не только вся история XX века, но и самая новейшая история учит нас обратному. Разрушение государственности и потеря территориальной целостности и гражданские войны в Египте, Ираке, Ливии, Украине, имевшие место после нелегитимных устранений глав этих государств, – это самые последние примеры.

Очевидно также, что те, кто больше всего говорит об «устарелости» понятия суверенитета, на практике больше всего и пользуются этим понятием, то есть считаются с ним и осознают его значимость. Именно поэтому «цветные революции», инспирированные ими в странах-объектах, которые Западу было нужно десоверенизировать, опирались именно на «народ», на майдан, на толпу на площади (которые в теории – носители суверенитета, а в реальности – его могильщики), основной же удар сосредотачивался на главе государства (который в теории – не носитель суверенитета, в отличие от народа, а на практике – как раз и есть средоточие суверенитета и последний бастион перед окончательной десоверенизацией).

Именно в свете актуальности понятия «суверенитет» прозрачны мотивы усилий по финансированию оппозиционных сил самого различного толка, одновременно и либералов, и фашистов, и религиозных фундаменталистов, и ученых-атеистов, правозащитников и социалистов, радикалов и оппортунистов. Все они должны образовать единый фронт против действующего главы государства, который представляется как «всего лишь человек», от перемещения которого ничего страшного не случится, но одновременно и как средоточие всех зол. И таким образом после его смещения, требования самых противоположных сил вдруг чудесным образом окажутся удовлетворены.

Те, кто это организывает, не могут не сознавать действительной роли главы государства, роли носителя суверенитета. Следовательно, все работы теоретиков и высказывания политиков на тему «устарелости» суверенитета есть лишь дымовая завеса, при всей видимой научности и обоснованности их тезисов, звучности и авторитетности имен в научном сообществе. Российскому научному и политическому сообществу надлежит бдительно следить за идеологической и геополитической подоплекой модных философско-политических теорий, которые контрабандой привносятся в интеллектуальную среду разлагающие государство идеи и понятия.

М.В. Ремизов. У Гегеля нет четкого представления о том, что носителем суверенитета не является народ и является лицо. Государь является носителем суверенитета не как частное, а как представительное лицо. Это ключевой момент. Гегель очень сильно ополчается против феодальной идеи власти. То есть против того, что определенный набор властных прерогатив может принадлежать частному лицу. Он говорит о том, что в этом отношении феодальное мышление стоит на одной доске с концепциями общественного договора. В обоих случаях политическая сфера выводится из частных отношений. То есть некие властные прерогативы, которые принадлежат людям как частным лицам, и они могут их осуществлять напрямую как феодалы («это принадлежит только мне»), а могут их суммировать и делегировать как концепции общественного договора, и тогда это принадлежит суверенам. Но он говорит, что уже в постфеодальную эпоху власть не является прерогативой частного лица, она имеет публичную и представительную природу, и государь важен как представительное лицо, которое репрезентирует целостность государства. А то, что придает государству жизнь, – это народный дух. Значит, государь – это репрезентант народа как целостности.

Теперь о понятии «народ». В твоих подразумеваемых использовано абсолютно не консервативное понятие народа – понятие народа как толпы. А с какой стати мы должны принимать претензии тех самых революционеров, которые нам антипатичны, особенно в нынешнем их виде? Или более либеральное понятие народа как электората, или вообще совокупности ныне живущих. Но консервативное понятие народа – это совокупность прошлых и будущих поколений, объединенных единой культурой и историей, общей исторической судьбой. И вот эту совокупность поколений может – по Гегелю так и есть – воплощать представительное лицо, монарх. Природа власти монарха является, в определенном смысле, демократической, если понимать «демос» не механически, не как электорат. Кстати, это есть концепция народной монархии Солоневича. У Гегеля речь идет тоже о народной монархии, потому что государь – это представительное лицо, которое воплощает

целостность народа в истории. И в этом смысле является во многом схоластическим вопрос, кому принадлежит суверенитет – государю, который подписывает закон, или той сущности, именем которой он подписывает закон? В гегелевском мышлении это очень важно, что государь подписывает закон не от своего имени, а от имени той целостности, которую он репрезентирует. И мы можем выбирать, кто суверен: тот, чьим именем подписан закон (я от имени народа подписываю как государь, который воплощает его во всех поколениях, то есть это уже концепция монархии Нового времени, не феодальная); либо это человек, который его напрямую подписывает. Я, например, сторонник того, что сувереном является воображенная сущность, которая воплощает целостность общества.

М.М. Фёдорова. Вопрос-то, собственно, в чем?

М.В. Ремизов. Вопрос в трактовке Гегеля. Во-первых, почему мы понятие «народ» сводим к толпе и к электорату. Во-вторых, государь как частное лицо и как представительное лицо. Эти нюансы мне кажутся ключевыми.

М.М. Фёдорова. Нельзя ли четче развести понятия «суверенитет правителя (монарха)», «суверенитет государства» и «суверенитет народа»? Не очень поняла из вашего сообщения, как вы разводите эти понятия. У вас всё сосредоточено на понятии «суверенитет монарха», а два других понятия остаются в тени.

О.А. Матвейчев. В мире существует несколько тысяч народов и этносов, а государств, условно говоря, двести. Это было очевидно уже Гегелю. Для него народ без государства – это не народ, он не оформлен, он не существует. Поэтому суверенитет относится к понятию государства, а не к народу. То есть к народу его вообще нельзя относить, их может быть много, они не суверенны и только борются за государственность, а многие о ней даже и не думают. И только там, где это государство есть, можно рассуждать о суверенитете. Поэтому народ он просто оставляет за скобками. А внутри государства – довольные четкие указания, если говорить о понимании Гегеля. Он конкретно говорит, что суверенитет принадлежит первому лицу. Зачастую он на этом даже настаивает.

вает, говорит, что в идеальном государстве законы обсуждаются представителями народными, кабинетом министров и так далее. Самое идеальное государство это когда суверенитет суверена сводится только к тому, что он всего лишь подписывает закон. И никаких своих частных мыслей, своей воли не вкладывает. То есть не занимается феодальным волюнтаризмом. Пусть всё сделает парламент, пусть всё сделают министры.

Т.А. Сорокина. У меня вопрос о подлинности суверенитета и критериях определения подлинности.

О.А. Матвейчев. Государство как таковое не нуждается в признании, оно является автономным. То есть оно может существовать и на территории всей планеты, может существовать на отдельном острове и не знать о существовании других государств. Оно не будет неполноценным или ущербным, если его никто не признает, оно все равно останется государством. Вопросы взаимного признания – это вопросы пресловутого международного права. Кто-то имеет возможность заставить всех с собой считаться, а кто-то такой возможности не имеет, но это не делает его не-государством. Скажем, Приднестровье – это совершенно полноценное со всех точек зрения государство, там действует свое законодательство, по которому живут сотни тысяч людей. И они ведут международную деятельность, с которой другие считаются, хотя речь и не идет о признании этого государства.

А.Ю. Зудин. Разумеется, первое лицо в любом государстве нуждается в защите, и у нас в том числе и прежде всего. Но если мы в соответствии с замыслом докладчика наделим это лицо суверенитетом, то есть обоснуем, что реальным сувереном является именно он, а не граждане Российской Федерации, я не уверен, что мы его защитим от тех угроз, которые ему реально угрожают. Не думаю также, что использование в качестве примера украинских событий является удачным, просто потому что реальный суверенитет Украины и при Януковиче был весьма относительным. Кроме того, как мне кажется, в конструкциях докладчика отсутствовал один очень важный элемент – устойчивые и работающие институты. Когда они есть, тогда

естественная и законная смена первого лица не приводит ни к каким потрясениям. Не приводит к потрясениям даже противоестественная смена главы государства, как, например, убийство Джона Кеннеди. А когда работающих, дееспособных, устойчивых институтов нет, государство существует только по названию. А существует сетевая структура – как ее ни называй, – состоящая из тейпов в Чечне или из кланов в современной Украине. Вот тогда перемены сопровождаются потрясениями. Понятно, что Россия находится где-то в промежутке, то есть мы сейчас создаем эти институты, но не можем сказать, что они у нас в полной мере являются устойчивыми, сильными. Отсюда и особая роль нашего первого лица.

М.М. Фёдорова. Хотела бы поддержать Алексея Юрьевича в отношении институтов. Но если мы говорим о понятии «суверенитет», явлении суверенитета, оно принадлежит двум эпохам. Это феодальная эпоха, когда понятие «суверенитет» обозначало вассальную власть и взаимоотношения между вассалами и сюзеренами, а суверенитетом обладал самый главный из феодальных правителей, король. Понятие суверенитета эпохи Модерна отличается от феодального понятия, и Боден здесь делает решающий шаг в том смысле, что понятие суверенитета связано с идеей представительства и формированием институтов. Напомню о зловещих концепциях народного суверенитета Руссо и о том, что понятие суверенитета народа Руссо стало для политической мысли XIX века неким пугалом. Против него восставали все – и консерваторы, и либералы, и социалисты. Руссо угодил в собственную ловушку. Руссо – анти-Гоббс, он выстраивает свою теорию в противовес Гоббсу и вводит это понятие суверенитета народа. Но у него нет идеи представительства. И тогда он прибегает к такой *ad hoc* гипотезе, он говорит: «Да, существует правитель, законодатель, который дает законы, потому что народ слаб, народ хочет блага, но не знает, как к нему прийти. Нам нужен законодатель, который бы дал эти законы». Трагедия демократической концепции Руссо в том, что отсутствует понятие представительства и, соответственно, понятие институтов, на которые эта идея опиралась бы в практическом плане.

Можно спорить до бесконечности о том, является ли суверенитет в современных условиях достаточно сильной категорией или он ослаблен глобализационными процессами. Но то, что суверенитет – это явление эпохи Модерна и связан с установлением правового общества, правовых институтов и представительных форм правления, это, конечно, факт бесспорный. Поэтому и у Гегеля, и у всех остальных правитель отправляет суверенитет, но суверенитет принадлежит государству. Решающий шаг, который сделал Боден в теории суверенитета, в его тезисе: «Суверенитет – это не элемент системы вассальных зависимостей, а элемент государства». Суверенитет принадлежит государству. Правитель как выражение государства, и он от имени государства осуществляет этот суверенитет. На мой взгляд, так дело обстоит с этой категорией, если мы говорим о Новом времени и о Гегеле. Другое дело, в какой степени эта категория сейчас является сильной, играющей в политическом поле. Но это предмет отдельной дискуссии.

Э.Г. Соловьев. Уважаемые коллеги, постараюсь кратко высказаться по проблематике суверенитета. Это не просто абстрактно-философское понятие. В современной мировой политике дискуссии по поводу суверенитетов в 1990-х годах, в начале 2000-х были чрезвычайно востребованными. Концепция ограниченного суверенитета активно продвигалась с 1990-х годов. Сейчас масса всяких сопутствующих концепций, связанных, например, с продвижением идеи о верховенстве прав человека. Эта проблематика политически чрезвычайно актуальна по сей день и сводится не только к проблеме суверена, стоящего над законом, а и к другим, более практическим вещам. Во-первых, как обычно трактуют в современной теории международных отношений и в политологии (здесь справедливо был сделан акцент на суверенитете государства), каждое государство обладает внешним и внутренним суверенитетом. Внутренний суверенитет сводится (отнюдь не исключительно, но в том числе) к праву применения легитимного насилия, а внешний суверенитет – к возможности государства (то, что в международных отношениях традиционно именуется гоббсианской, или

анархической, Вселенной) вести себя настолько независимо, насколько оно может себе это позволить. Возможность вести себя достаточно независимо и является проявлением внешнего суверенитета.

То, что происходило в 1990-х годах, в начале 2000-х, в концептуальном плане – это попытка, во-первых, существенно ограничить внутренний суверенитет, потому как во главу угла формально были поставлены вполне гуманистические мотивы, то есть стремление соблюсти весь тот пакет прав человека, который был заявлен как норма жизни в 1990-х годах. Но по факту это, конечно, очень существенно ограничивало политический инструментарий целого ряда государств, потому что очень многое зависело от применения ad hoc этих положений, что в ряде случаев имело драматические политические последствия для существования политических режимов, для стабильности и, может быть, даже для существования тех или иных государств. Что касается внешнего суверенитета, то чрезвычайно популярной была идея о том, что мы, дескать, вступили в новый мир после холодной войны, в котором (я схематизирую) на смену геополитическим играм с нулевой суммой, где выигрывать должен обязательно один, приходят политические игры якобы с ненулевой суммой. Допустим, от возможностей решения каких-то глобальных экологических проблем выигрывают все. От развития мировой торговли в конечном счете выигрывают и потребители, и те, кто выступает более активными продавцами. Эти игры с ненулевой суммой начинают превалировать, доминировать на международной арене, и это тоже существенно подрывает принцип суверенитета, потому что даже самое мощное государство в отдельности не способно решать глобальные проблемы, что и приводит к эрозии суверенности со всеми вытекающими последствиями.

Конечно, в 1990-х годах имел место идеологический перехлест с подобного рода подходами. И вот сейчас, в том числе, например, в ситуации с Украиной, отчетливо видно, что и игры эти не забыты и активно продвигаются нашими западными партнерами, и попытки обеспечения прав человека под собой имеют не только гуманитарную подоплеку, но являются инстру-

ментом воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию в тех или иных странах. Поэтому, на мой взгляд, проблема внутреннего и внешнего суверенитета, сохранения суверенитета и независимости политического поведения стран это, в общем-то, одна из ключевых современных проблем, и здесь консерваторам бы и развернуться. Но не вокруг персоналий. Дело не в персоналиях. Совершенно верно здесь было отмечено, что Украина и при Януковиче была практически фейл-стейт. Готовясь к одной из конференций, посмотрел статистику и с удивлением обнаружил, что из пятнадцати постсоветских республик только Украина фактически осталась со стандартно берущимися объемами анализа. Например, объем ВВП остался на уровне 1990 года. Никакого продвижения вперед. Даже Таджикистан и Киргизия что-то прибавили. И вот это было серьезной проблемой, а отнюдь не личные качества Януковича и то, что его там подтолкнули или не подтолкнули. Ситуация все равно была крайне шаткая на протяжении целого ряда лет. Этот взрыв прогнозировался, правда, ждали его несколько позже. Поэтому я бы акцентировал внимание коллег на необходимости серьезного, вдумчивого анализа проблематики внутреннего и внешнего суверенитета в современном мире, на его важности, несмотря на ряд широко распространенных концепций о его эрозии, об уменьшении его значимости.

О.Ю. Малинова. Очень короткая реплика. Проблематику суверенитета можно рассматривать и обсуждать под разными углами, но поскольку сегодняшний семинар посвящен консерватизму, я хотела бы обратить внимание на то, что тот вариант суверенитета, который был предложен Олегом Анатольевичем [Матвейчевым. – *Ред.*], – это не та интерпретация суверенитета, которая удобна для консервативной идеологии. Напротив, тот вариант представительства, о котором говорила Мария Михайловна [Фёдорова. – *Ред.*], та интерпретация гегелевской концепции, о которой говорил Михаил Витальевич [Ремизов. – *Ред.*], – скорее эти варианты интерпретации созвучны консерватизму. Если консерватизм – это идеология, которая ставит во главу угла сообщество, его

преимущество, его традицию, то с точки зрения консерватизма не совсем удобно переносить такой большой вес на фигуру суверена. Если суверен – это физическое лицо, то опять-таки с позиции пессимистического взгляда на природу человека, которая свойственна консерватизму, логично предполагать, что физическое лицо может ошибаться, суверен может вести сообщество по неблагоприятному для сообщества пути. Если мы придаем такой большой вес суверенитету правителя как физического лица, то не можем критиковать правителя, потому что тем самым мы подрываем суверенитет, фактически вынимаем из-под сообщества краеугольные камни, что может привести к обрушению конструкции.

М.В. Ремизов. Мне близка постановка вопроса, которую предложил Олег [О.А. Матвейчев. – *Ред.*], и та традиция, которой он оперирует, – Боден, Гегель, Карл Шмитт. Но я склонен давать другие ответы на те вопросы, которые были поставлены. Какие у нас опции, кто суверенен в России?

Первый вариант – Путин. Второй вариант – президент Российской Федерации. (Это разные варианты, подчеркни.) Третий вариант – Российское государство. Четвертый вариант – народ, который воплощает Российское государство. Теперь касаемо самой категории суверенитета. Олег правильно говорил о методологических проблемах, которые сопутствуют ее формулировке, и очень сложно на самом деле отбиться от идеи того, что суверенитет – это идеальный газ, некая абстрактная формула мышления, которой в действительности ничто не соответствует, потому что в действительности государство не располагает, как правило, той полнотой власти, которая предполагает то верховенство, независимость, которые это понятие в себе несет. В этой связи Курт Хюбнер, немецкий консервативный мыслитель, говорил (дополнительно к идее нации, но в данном случае смысл один и тот же), что это не понятие, описывающее действительность, – это необходимый практический постулат. И примером такого необходимого практического постулата является идея субъекта. На мой взгляд, существует очень четкая параллель между идеей индивидуальности

го субъекта (человека как личности, человека как индивидуального субъекта) и идеей суверенитета, потому что идея субъекта, человека как действующего лица – это конструкт, это не самоочевидная данность. Не из чего не следует, не из какой эмпирической реальности, что мы являемся субъектами, действующими лицами по отношению друг к другу. Это некая форма мышления, которая помогает нам уже в свою очередь себя конституировать как субъекта.

То же самое суверенитет – форма мышления, которая позволяет нам конституировать социального субъекта и конституировать себя как социального субъекта, как действующее социальное лицо. Это вполне гегелевский подход в том плане, что идея – это некоторое понятие, воплощенное в действительность, которое является самосбывающимся, то есть, поскольку мы ориентируемся на это понятие, действительность начинает ему соответствовать. Мы пытаемся быть субъектами, пытаемся ориентироваться на критерии целостной личности и становимся таковой. Точно так же мы мыслим в категориях суверенитета и тем самым воспроизводим некие критерии суверенитета в реальности.

Какой главный критерий суверенитета? Верховенство. То есть ключевое понятие (Олег это произнес, я с ним согласен) – это понятие верховенства власти на определенной территории. Но на чем основана эта претензия на верховенство власти? На мой взгляд, на том, что власть данного таксономического уровня является высшей, потому что она воплощает собой общество как целое, воплощает некую целостность, выше которой ничего нет. А чтобы понять, что имеется в виду, достаточно посмотреть на то, как отстраивались от христианской империи, Священной Римской империи германской нации, европейские королевства. Сначала в европейской истории воплощением целостности общества была христианская ойкумена. И ее символизировал Папа Римский. Он не был носителем суверенитета. Почему? Потому что эта символическая прерогатива не сопровождалась концентрацией на том же таксономическом уровне силовых ресурсов, финансовых ресурсов, возможностей социальной мобилизации. Напротив, эти ресурсы, как правило, концентрировались в феодальных дворах. Символическая прерогатива (пред-

ставительная мощь, представительная власть, представительное могущество) была на уровне католической церкви и Папы Римского, именно поэтому он короновал. Реальная же власть, концентрация реальных ресурсов была на другом уровне. Это ситуация отсутствия суверенитета. На мой взгляд, суверенитет начинает возникать тогда, когда эти разные линейки, символическая прерогатива и реальная возможность концентрировать ресурсы, оказываются на одном таксономическом уровне.

Процесс запустила Реформация. Не случайно короли становятся суверенными по мере того, как они (в протестантском случае) возглавляют собственные церкви. И уже не католическая церковь, не христианская ойкумена, а церкви отдельных наций являются для системы власти соответствующим референтом, воплощением целостности общества, которое они в свою очередь представляют. Католические державы идут, в общем-то, по тому же пути: французский король «посылает лесом» Папу Римского и заявляет, что он христианнейший король, и он даже, наверное, в большей степени воплощает в себе католицизм, чем Папа Римский.

Но постепенно мысль о целостности общества уходит от религиозной системы координат к национальной. То есть целостность начинает мыслиться в национальной системе координат. Олег абсолютно прав в том, что этносов несопоставимо больше, чем государств. Но любое государство, для того чтобы обосновывать претензию на целостность и на верховенство своей власти, вынуждено апеллировать к неким культурно-историческим мифам, которые делают население этого государства нацией. И эта претензия очень важна с точки зрения именно суверенитета, потому что на ней основывается идея того, что это общество есть сверхзначимая целостность, которую власть и представляет. А на этом в свою очередь основывается прерогатива власти на верховенство. А в чем воплощается эта прерогатива? Помимо законодательства, о чем справедливо сказал Олег, это еще такая сложная вещь, как война, право войны и мобилизации, монополия на легитимное насилие вовне и внутри страны. И здесь фактор кризиса суверенитета – это кризис войны как формы отношений между государствами. Войны везде ведутся, но

больше нигде не ведется классических войн, ведутся войны нового типа, как бы бессубъектные, где нет государственных субъектов, которые признают то, что они ведут войны друг с другом по суверенному праву. А между крупнейшими государствами цена войны настолько велика, что этого риска пытаются избежать.

Закончить свое выступление я бы хотел вопросом к Олегу, как он видит связь между исчерпанием этой парадигмы классической войны, с одной стороны, и проблематикой кризиса суверенитета. Это действительно реальная проблема, на мой взгляд. Возможен ли суверенитет в мире, где больше нет войны как правового статуса? А мы видим, что все войны ведутся в серой зоне, нет войны как нормального, легального, открытого, честного правового статуса. И может ли в этом мире быть честный суверенитет?

О.А. Матвейчев. Сначала о консерватизме. Трагедия Российской империи случилась, на мой взгляд, именно потому, что даже консерваторы (про либералов, социалистов и прочих молчу) поставили себя в неконсервативную позицию, когда стали такими субъектами нового времени. Когда это делают либералы, социалисты, я понимаю, но когда консерватор говорит, что я тоже вправе судить государя, решать, прав он или нет, соответствует он каким-то нормам; и в зависимости от этого считать, буду я ему лоялен или нет, как будто у нас с ним договор...

М.В. Ремизов. Это два разных вопроса: вправе судить и лояльность.

О.А. Матвейчев. Может быть, да, но дело в том, что они же еще и нарушали такой принцип... Китайцы говорили: печалься о государстве в мыслях, но не надо печалиться о нем вслух. То есть дело в том, что они же это осуждали с трибун Государственной Думы и тем самым лили воду на мельницу совершенно других сил – и британских, и немецких, каких угодно. Я постоянно встречаю таких людей: я встречал их в Приднестровье, встречал в России в огромном количестве. Они говорят: я патриот России, я за государство, но лично Путин мне не нравится – это человек, который ставит себя выше закона. Естественно, такой

«патриот» не является преступником. Хотя, с другой стороны, вся целостность государства, в том числе символическая, держится на перформативах, а перформативы – это слова, которые являются одновременно действиями. Когда государь отдает приказ, это перформатив, то есть приказ осуществляется в тот момент, когда он отдается. Когда присяга осуществляется, это тоже перформатив. Государство открывает учреждения, закрывает, объявляет войну, – это все перформативы, это слова-действия. И поэтому слова здесь не столь безобидны, когда я просто на словах кого-то осуждаю.

Что такое несuverенное государство? Это то государство, которое лишено целостности. Когда на Украине какой-то олигарх говорит, что его принадлежность к определенной группировке, олигархату важнее, чем условный Янукович или еще кто-то. Критерием целостности государства является лояльность первому лицу. Когда на нее никто не претендует, то, ради Бога, все могут по умолчанию считаться лояльными или не считаться. Но когда возникает тот самый конфликт, ты должен выбрать, лоялен ли ты этому первому лицу. И вот когда возникает кризис лояльности, когда это первое лицо не является, собственно, первым, а оно всего лишь второе, третье, а первыми для меня являются либо консервативные ценности, либо либеральные ценности, права человека, семья... Вот сейчас на Украине говорят: «У меня семья, поэтому я воевать никуда не пойду, у меня дети», – и таких много. Поэтому и государство Украина как целостное не существует, потому что у кого семья, у кого русинская идея, у кого галицкая, у кого донецкая – вот оно всё и распадается, и нет того объединяющего единого начала, которое, на мой взгляд, должно быть воплощено в личности. И я Михаилу хотел сказать – та интерпретация, которую ты даешь, она в значительной степени кантианская. Здесь понятия являются скорее постулатами, здесь они нечто должное.

М.В. Ремизов. Я же говорю о том, как понятия самосбываются: мы ориентируемся на суверенитет как форму мышления, и мы становимся суверенными через это; мы ориентируемся на понятие личности и становимся личностями через это.

О.А. Матвейчев. Да, но у него это заложено как сущность. Он же предполагал, что субъектом человек по своей сущности является, он не считал это теоретическим конструктом.

Т.А. Журавлева. Вы говорили по поводу лояльности, а у меня вопрос по поводу критики. Условно, если сейчас я не соглашусь с политикой, которую проводит Владимир Владимирович Путин, это будет трактоваться как нелояльность и подрыв суверенитета...

О.А. Матвейчев. Мной – да.

Т.А. Журавлева. А как тогда развиваться? По Конституции мы являемся носителями суверенитета.

О.А. Матвейчев. Не надо противопоставлять, потому что одно без другого не бывает. Путин президентом является по закону, и законы он же дает и подписывает.

М.В. Ремизов. Кстати, мы упускаем, что президент является таким же представительным органом, как и парламент. У меня вопрос Олегу. Является ли президент России Путин представительным лицом и, если да, кого он представляет? Если он представляет народ России, то суверен народ России.

О.А. Матвейчев. Думаю, здесь не так всё просто. Путин – не представитель народа России...

М.В. Ремизов. Это ключевой момент.

О.А. Матвейчев. Да, ключевой момент. Я сейчас не смогу точно ответить, потому что здесь есть серьезные методологические трудности.

М.В. Ремизов. Больше того, тебе придется очень жестко покритиковать Путина, если ты ответишь, что «нет», потому что он считает, что «да».

Т.А. Журавлева. Тогда мы возвращаемся к вопросу о лояльности. Вы же говорите, что закон – это основное.

О.А. Матвейчев. В Конституции написано, что там народ и все такое, но это не значит, что так

оно и есть. У меня был в свое время учителем логики профессор Лобовиков, ученик знаменитого фон Вригта. Он занимался анализом этических норм на предмет их логичности. Шутки ради он проанализировал нашу Конституцию, нашел в ней сорок всевозможных логических противоречий. А как известно из логики, если в системе есть противоречия, то из нее следует все, что угодно.

М.М. Фёдорова. Ну, хорошо, а если Путин завтра улетит на Луну, что будет?

О.А. Матвейчев. Это будет очень плохо, это будет неким процессом, который серьезно десоверенизирует Россию.

М.М. Фёдорова. То есть Россия прекратит свое существование в качестве суверенного государства?

М.В. Ремизов. У меня такой вопрос: когда Медведев был президентом, к нему все это относилось?

О.А. Матвейчев. Относилось, конечно – президентом он все-таки был.

М.В. Ремизов. То есть те же самые критерии лояльности относились к нему? При том что реальный центр власти был сбоку.

О.А. Матвейчев. Когда ты говорил сегодня про Папу Римского... Где воплощается субъектность? Вот когда встает критический вопрос: кто первое из них, кому именно мы лояльны, – в том месте и будет тот самый пресловутый суверенитет. Мы помним, что Иван Грозный Симеона Бекбулатовича ставил на царство и ему поклонялся, и челобитные какие-то ему писал. При этом, естественно, для всего народа субъектность виделась в царе Иване Васильевиче. Здесь то же самое. Субъектность была у Путина, при том что президент формально Медведев. Потому как лояльность большинства сохранил Путин. И потому суверенитет у него.

М.В. Ремизов. Получается, ты апеллируешь к критерию народной лояльности как к критерию суверенности.